

Сегодня — 150 лет со дня рождения А. Н. Островского

...МЫ, РУССКИЕ, МОЖЕМ С ГОРДОСТЬЮ СКАЗАТЬ: «У НАС ЕСТЬ СВОЙ РУССКИЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР. ОН, ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ, ДОЛЖЕН НАЗЫВАТЬСЯ: «ТЕАТР ОСТРОВСКОГО».

И. А. ГОНЧАРОВ.

Рисунок В. БЫЛИКИНА.

ВЕЧНО ЖИВОЕ

Откуда бы человек не приехал в Кинешму — поездом из Москвы или пароходом из любого волжского города, — он первым делом отправляется на высокий бульвар. Оттуда открывается широкий простор великой русской реки и необыкновенная красота лесистого Заволжья...

В свободный час люблю я побродить по бульвару. И каждый раз всплывают в памяти с детства знакомые образы, неповторимо изображенные драматургом А. Н. Островским. То вдруг покажется, что вот здесь, на этом месте, стоял когда-то изобретатель-самоучка Кулигин. Приблизившись к обрывистому берегу — и новые «видения». Ведь где-то здесь встретил Островский мечтательницу Катерину, доведенную до отчаяния «темным царством». И где-то рядом стояла тоскующая Лариса, глядящая за Волгу в надежде на освобождение все от того же «царства»...

Волга и Кинешма органически вошли в литературное творчество великого драматурга. Впервые приехав в заволжскую усадьбу «Щельково» в 1848 году, он был поражен несказанной красотой чудесного уголка русской природы, который и ныне сохранился во всей его девственной красе. А начиная с 1867 года и до самой смерти А. Н. Островский жил в этой усадьбе каждое лето.

От Кинешмы до Щелькова всего 17 километров. И

не случайно писатель много времени проводил в этом уединенном городке. Работа в должности почетного мирового судьи, которую Островский исполнял в течение тринадцати лет, собрания и вечера местного купечества, многочисленные встречи с людьми — все это питало драматурга богатым фактическим материалом. Преломленные и обобщенные могучим его талантом, эти наблюдения стали основой для пьес «Волки и овцы», «На бойком месте», «Гроза» и ряда других, созданных в Щелькове.

Близость творчества А. Н. Островского к нашим местам породила не умирающую дружбу кинешмцев с великим мастером слова. Именно эта дружба толкнула в 1898 году группу энтузиастов-театралов на создание сначала самодеятельного кружка, а потом и на открытие драматического театра. И вот уже 75-й год театр им. Островского беспрерывно ставит на своей сцене спектакли по произведениям великого драматурга. Это один из немногих в стране театров, на сцене которого сыграны почти все его пьесы.

У актеров волжского города сложилась хорошая традиция: каждый новый сезон открывается спектаклем по пьесе А. Н. Островского. И это не только дань уважения, это и необходимость. Пьесы Островского и сегодня современны, понятны зрителю. Об этом свидетельствует всегда переполненный зал в дни

премьер, горячие обсуждения спектаклей на зрительских конференциях.

В свое время в творческом становлении и росте Кинешемского театра большую роль сыграл «Дом Островского» — Малый театр. На кинешемской сцене выступали Ольга Осиповна и Михаил Провыч Садовские. Кинешма видела в ролях героев Островского таких выдающихся мастеров, как Москвитин, Пашенная, Гоголева.

В свою очередь, наш театр дал искусство таких замечательных актеров, как Коротагина-Александровская и Павлов.

Основа нашей труппы сейчас — молодежь. Это выпускники ГИТИСа, Московского института культуры, Астраханского и Ярославского театральных училищ. Труппа стабильна, и это дает возможность создания интересного актерского ансамбля. Атмосфера у нас творческая, репертуар — богатый и разнообразный.

И все же главная наша любовь — А. Н. Островский. Нынешний сезон мы начинали его пьесой «Невольники». Затем состоялся фестиваль спектаклей, посвященный юбилею драматурга. Были показаны «Невольники», «Пучина», «Светит да не греет». Завершим сезон опять же пьесой Островского «Блажь».

Е. ЕГОРОВ, главный режиссер Кинешемского драматического театра им. Островского.

СРЕДИ довольно многочисленных портретов А. Н. Островского почти каждому более всего знаком и памятен тот, что принадлежит кисти художника Перова. Таким чаще всего и представляем мы писателя. Домашняя одежда, непринужденная поза. Широкое, обрамленное рыжеватой бородой лицо, высокий выпуклый лоб. На всем облике печать ясной простоты и спокойствия. Лишь пристальный, чуть насмешливый взгляд вносит какой-то новый, усложняющий оттенок в общее представление. О спокойной уравновешенности и мягкости Островского свидетельствуют многие его современники. Наконец, «человеческие документы» — письма и сохранившиеся дневниковые записи Александра Николаевича — как будто окончательно закрепляют сложившееся впечатление о его личности. Они чаще всего немногословны, деловиты, лишены того литературного блеска, который так поражает и очаровывает в эпистолярном наследии Пушкина, Тургенева, Чехова. И так, по всем данным, характер спокойный, без сильных эмоций. И все же можно ли считать это бесспорной истиной?

Поистине страстным, полным внутреннего горения предстает перед нами Островский в том, что было непосредственно связано с главным делом его жизни — литературой и театром. В этом нетрудно убедиться, прочитав его деловые документы, выступления, речи. В сухих официальных документах с сугубо прозаическими названиями всегда нераздельно глубокая аргументированная мысль и горячий полемический запал, взволнованность, проявление разнообразных чувств — горечи, негодования, боли. А цель одна: пробить стену казенного равнодушия чиновников, приставленных наблюдать за искусством, создать в России национальный демократический театр с богатым подлинно-художественным репертуаром, высокой культурой актерского исполнения, умной и талантливой режиссурой. Сколько горячего одушевления, какая твердость и последовательность в утверждении Островского, что это «дело важное, патристическое»!

Широко и щедро тратил А. Н. Островский болящую и целенаправленную энергию. Он блестящий теоретик в области драмы, тонкий знаток законов сцены. В своих представлениях о сценическом искусстве, спектакле, театральной роли он обогнал свое время, предвосхищая принципы, которые лягут в основу театральной системы К. С. Станиславского. Он требовательный и добрый наставник, друг и защитник драматических писателей и актеров. Его человеческий и гражданский темперамент в своих наивысших проявлениях раскрылся в драматургии.

Уже находясь в зените творчества, Островский создал замечательную стихотворную пьесу «Воевода». В отличие от большинства его произведений, обращенных к современности, события в ней разворачиваются в далеком прошлом. Свежо и сильно звучит в ней тема народного протеста, воплощенная в фигуре дерзкого, непокорного Романа Дубровина.

«Душа моя не терпит. Когда большой молодой обидит. Подвального гнет да давит властный, — говорит о себе герой Островского. Слова эти с полным основанием можно считать идейным и нравственным кредо писателя, своеобразным эпиграфом ко всему его творчеству.

Нетерпимость к порабощению человека, глубокая и многосторонняя критика общества, основанного на насилии и бесправии, пронизывает произведения великого драматурга. Уже в своей знаменитой пьесе «Свои люди — сочтемся!» молодой писатель поразил современников смелостью и остротой взгляда, проникающего в глубь жизни. Душный и тесный мир торгашеских махинаций, волчий грызня из-за капитала, имущест-

ва, чудовищный семейный быт купечества предстали в комедии во всей своей обнаженности. Обличение купеческого самодурства продолжалось и в дальнейшем. В пьесах, созданных еще в дореформенную крепостническую эпоху, Островский не обошел и другое великое зло русской жизни. Презрением к внутреннему ничтожеству русского дворянства, его жизненной практике, последовательным обличением его аморальности отмечен ряд пьес, который открывается «Воспитанницей». Гнусные нравы чиновничьей России Островский вслед за Гоголем изобразил в «Доходном месте».

Еще полнее охвачена и сложнее воспроизведена действительность с ее переменами и конфликтами в поздних произведениях драматурга. Экономическое восхождение русской буржуазии, возникновение «цивилизованных» форм хищничества и параллельный этим явлениям процесс духовного распада и деградации, трагикомическая борьба между дельцами новой формации и теряющим силу и практическую сноровку помещичьим классом — все эти и многие другие явления блестя-

тельно и Платон («Правда — хорошо, а счастье лучше»). Переживает тяжелый душевный кризис, но выходит из него прозревшим и более сильным Жадов («Доходное место»). Актер Нестаславцев обрушивает бурю справедливого негодования на обитателей «Леса». Студент-демократ Мелузов тверд в намерении просвещать общество. Правда, образ передового деятеля эпохи не был до конца сфокусирован в пьесах Островского, но сильный активный характер, высокий нравственный потенциал были для него неизменным мерилом ценности человека.

Поэтому своим, близким по духу и складу считали Островского его современники — революционные демократы, а сам писатель, пройдя в начале 50-х годов через короткий, но критический период колебаний и иллюзий, в дальнейшем был их постоянным спутником. Не случайно его обычная сдержанность прорвалась таким искренним всплеском чувств в обращении к больному Н. А. Некрасову: «Как Вам умирать? С кем же мне тогда идти в литературу? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы

только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды...».

Открытое, освобожденное от всяких покровов лирическое начало выразилось в «Снегурочке». Каким восторгом перед тонкой красотой родной природы, каким светлым ликующим настроением пронизана эта «Весенняя сказка»? Она выражает мечту о человеческих отношениях, не омраченных горем, враждой, предательством.

Великий драматург был тесно связан с нашим краем — Кинешмой, Заволжьем, Щельково (ныне — музей-заповедник имени писателя). Можно было бы привести немало фактических данных по этому поводу. Но не менее важно другое: Островский был душевно привязан к этим местам, его на всю жизнь пленила могучая Волга, на берегах которой разворачиваются события многих его пьес. Теплым, дружеским было его отношение к простым людям, крестьянам. «Приезжали знакомые и друзья. А бывали и такие, которые пешком из Кинешмы приходили — на лошадей денег не имели. И все-то Александр Николаевич встречал с радостью, а которым и помогал», — вспоминала знавшая его деревенская женщина А. Н. Смирнова. Крестьянский мальчик Кожакин услышал на похоронах Островского от своего деда знаменательные слова: «Вот, Вася, помни, как мужик своего заступника в последний путь проводил».

Не странно ли, что человек больших и сильных чувств писал драматические произведения, в которых, как может показаться на первый взгляд, мало остроты и страсти? Да, Островский вдумчивый и объективный в лучшем смысле слова художник-реалист. Он не спешит выдать читателю готовую, лежащую на поверхности идею. В его «пьесах жизни» действие разворачивается, захватывая массу разнообразного материала, освещая бытие с такой доскональностью, что читатель и зритель как бы сами входят в его плотную атмосферу. Он никогда не прибегает к идеализации, и характеры его героев нельзя уложить в простейшие формулы. Но за внешней, мнимой медлительностью — всегда внутренняя динамика.

«История оставила названия великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа; такие произведения со временем делают понятными и ценными и для других народов и, наконец, для всего света». Эти слова А. Н. Островского великолепно определяют смысл и значение его собственной деятельности. Драматургия его, сильная по мысли, бесконечно широкая по охвату жизненных явлений, создана человеком доброго и щедрого сердца, умевшего ненавидеть, сострадать, любить. Н. ТАРШИШ.

„...ДЕЛО ВАЖНОЕ, ПАТРИСТИЧЕСКОЕ“

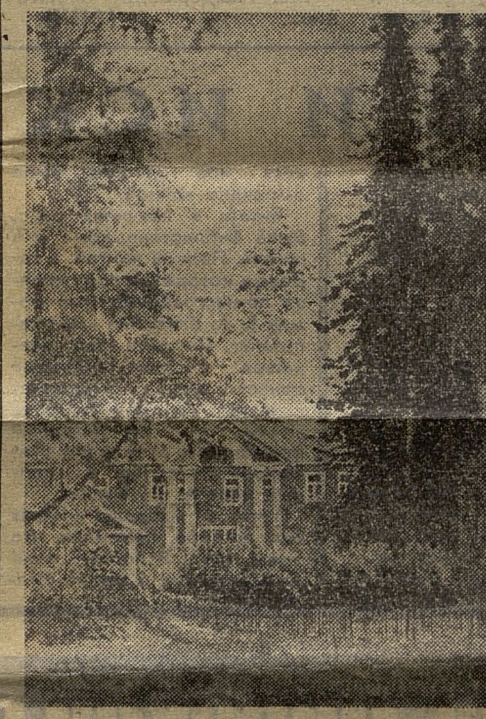
ще воплощены в таких пьесах, как «Вешние деньги», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Бесприданница», «Лес».

Не только не скрывая своей издевки, но, напротив, рядом художественных приемов резко подчеркивая ее, драматург в комедии «На всякого мушкетера довольно простоты» характеризовал мнимую «борьбу мнений» между консерваторами и либералами.

Неприятие и осуждение законов «темного царства», сила критики Островского столь очевидны, что уже одно это могло бы обеспечить ему почетное место в ряду русских и мировых драматургов. Но он не остановился на этой черте. С повышенной, обостренной чувствительностью улавливая писатель признавал перемены, зреющие в стране, все более заметное стремление к свободе.

Глубоко личным, включающим активную любовь, уважение, сочувствие, было отношение драматурга к его положительным героям. «Простите мне: я так люблю Татьяну милую мою!» — откровенно признавался читателю Пушкин в «Евгении Онегине». У драматического писателя нет возможности так прямо высказать свои чувства: говорят сами действующие лица, в сложном перекрестном соотношении взаимных оценок, в ситуациях и действиях складывается конечное представление о каждом из них. Но вот одно характерное признание Островского в период работы над «Последней жертвой»: «Пишу пьесу, собираю последние силы, чтобы ее кончить. Трогательный, драматический сюжет пьесы, в который я погружаюсь всей душой, еще более расстраивает меня». Автора трогает и печалит судьба прекрасной женщины Юлии Тугиной, которую жизнь беспощадно затягивает в свой грязный водоворот.

Их было много — любимых Островским героинь, от первого «светлого луча» Катерины из «Грозы» до Параша из «Горячего сердца», что за волю пойдешь «на нож», «бесприданница» Ларисы, полной высокого душевного благородства Кручинной. Среди героев мужики — простодушный и честный Митя («Бедность не порок»), чуть смешной, но бесконечно чуткий к чужому страданию Гаврила, воспитавший в себе сознание человеческого достоинства Ипполит («Не все коту мас-

Читатели «Рабочего края», вероятно, помнят интересные этюды тургеневских мест, написанные самодеятельным ивановским художником С. Кашинцевым и опубликованные в газете. Он — участник почти всех выставок самодеятельных художников. Его «конек» — пейзаж средней полосы России. Хорошо зная и тонко чувствуя природу, С. Кашинцев умело передает в своих полотнах ее аромат.

Сегодня мы помещаем репродукции других этюдов художника, сделанных в усадебном музее А. Н. Островского в Щелькове. На верхней запечатлен дом драматурга, на нижней — река Мера в окрестностях Щелькова.

Художник сумел хорошо передать красоту и обаяние щельковских пейзажей, среди которых А. Н. Островский провел многие годы своей жизни — до самых последних

НА КЛУБНОЙ СЦЕНЕ

Бытовую комедию А. Н. Островского «Не все коту масленица» поставил театральный коллектив Савинского районного Дома культуры. Постановку спектакля осуществил студент Ленинградского института культуры, житель Савина А. Бутков.

Особенно удались роли купца Ахова (заместитель редактора районной газеты «Знамя» А. М. Голубев) и купчихи Кругловой (зубной врач Н. С. Никитина).

Самодельные артисты Помогаловского сельского клуба Палехского района поставили пьесу «Правда хорошо, а счастье лучше». Это не первое произведение великого драматурга, поставленное на сцене сельского очага культуры.

Мы уже показывали нашим зрителям, — говорит заведующая клубом М. Н. Ромашова, — «Бесприданницу», «Грозу», «Не в свои сани не садись». Последняя наша работа — это дань любви к Островскому, и его бессмертным произведениям.

В главных ролях заняты элитарщики Иван Курин, рабочий котельной А. В. Попов, бухгалтер Т. Н. Удалова и другие. М. АЛЕКСАНДРОВ.

ОСТРОВСКИЙ И КУСТОДИЕВ

Заволжские дали, открывающиеся с кинешемского бульвара, и сейчас оставляют впечатление лесной глухомани. Нетрудно представить, что же было в этом краю в те давние годы, когда здесь каждое лето жил в усадьбе «Щельково» А. Н. Островский.

В его творчестве в том или ином преломлении, отразился этот край. В пьесах «Волки и овцы», «Лес» и некоторых других показан процесс перехода старинных «дворянских гнезд» в руки буржуазных «дельцов новой формации». Драматург, в частности, наблюдал, как один из владельцев с. Угolino (Патрачев) продал его извощенным тенетильным фабрикан-

физиономия значительна (я пошел не видел еще), и все это идет нист, идет жизни от творческого духа...» Многие из всего этого и «вспроизвел» Кустодиев, выстроивший в 1905 году по близости от Высокова архитектурно-узорчатую усадьбу «Терем». Подобно Островскому, художник перемещал работу с охоты и рыбалки, с походами за грибами и ягодами, посещая, в поисках «натуры», постоленные дворы и трактиры, внимательно приглядываясь к народному быту, в особенности в его нарядно праздничных проявлениях.

непринужденная поза. Широко, обрамленное жестовато-русой бородой лицо, высокий выпуклый лоб. На всем облике печать ясной простоты и спокойствия. Лишь пристальный, чуть насмешливый взгляд вносит какой-то новый, усложняющий оттенок в общее представление. О спокойной уравновешенности и мягкости Островского свидетельствуют многие его современники. Наконец, «человеческие документы» — письма и сохранившиеся дневниковые записи Александра Николаевича — как будто окончательно закрепляют сложившееся впечатление о его личности. Они чаще всего немногословны, деловиты, лишены того литературного блеска, который так поражает и очаровывает в эпистолярном наследии Пушкина, Тургенева, Чехова. И так, по всем данным, характер спокойный, без сильных эмоций. И все же можно ли считать это бесспорной истиной?

Поистине страстным, полным внутреннего горения предстает перед нами Островский в том, что было непосредственно связано с главным делом его жизни — литературой и театром. В этом нетрудно убедиться, прочитав его деловые документы: записки, выступления, речи. В сухих официальных документах с сугубо прозаическими названиями всегда неравельны глубокая аргументированная мысль и горячий полемический запал, возбудивший, проявление разнообразных чувств — горечи, негодования, боли. А цель одна: пробить стену казенного равнодушия чиновников, приставленных наблюдать за искусством, создать в России национальный демократический театр с богатым подлинно-художественным репертуаром, высокой культурой актерского исполнения, умной и талантливой режиссурой. Сколько горячего одушевления, какая твердость и последовательность в утверждении Островского, что это «дело важное, патристическое»!

Широко и щедро трепал А. Н. Островский большую и целенаправленную энергию. Он блестящий теоретик в области драмы, тонкий знаток законов сцены. В своих представлениях о сценическом искусстве, спектакле, театральной роли он обогнал свое время, предвосхищая принципы, которые лягут в основу театральной системы К. С. Станиславского. Он требовательный и добрый наставник, друг и защитник драматических писателей и актеров. Его человеческий и гражданский темперамент в своих наивысших проявлениях раскрылся в драматургии.

Уже находясь в зените творчества, Островский создал замечательную стихотворную пьесу «Воевода». В отличие от большинства его произведений, обращенных к современности, события в ней разворачиваются в далеком прошлом. Свежо и сильно звучит в ней тема народного протеста, воплощенная в фигуре дерзкого, непокорного Романа Дубровина.

«Душа моя не терпит, когда большой молодой обидит. Подвластного гнетет да давит властный», — говорит о себе герой Островского. Слова эти с полным основанием можно считать идейным и нравственным кредо писателя, своеобразным эпиграфом ко всему его творчеству.

Нетерпимость к порабощению человека, глубокая и многосторонняя критика общества, основанного на насилии и бесправии, пронизывает произведения великого драматурга. Уже в своей знаменитой пьесе «Свои люди — сочтемся!» молодой писатель поразил современников смелостью и остротой взгляда, проникающего в глубь жизни. Душный и тесный мир торгашеских механизмов, волчьей грызни из-за капитала, имущест-

вий не обогатил и другое великое зло русской жизни. Презрением к внутреннему ничтожеству русского дворянства, его жизненной практике, последовательным обличением его аморальности отмечен ряд пьес, который открывается «Воспитанницей». Гнусные нравы чиновничьей России Островский вслед за Гоголем изобразил в «Доходном месте».

Еще полнее охвачена и сложнее воспроизведена действительность с ее перепадами и конфликтами в поздних произведениях драматурга. Экономическое восхождение русской буржуазии, возникновение «цивилизованных» форм хищничества и параллельный этим явлениям процесс духовного распада и деградации, трагическая борьба между дельцами новой формации и терпящими силу и практическую скорую помощь классом — все эти и многие другие явления блестя-

годования на обитателей «леса». Студент-демократ Мелузов тверд в намерении просвещать общество. Правда, образ передового деятеля эпохи не был до конца сфокусирован в пьесах Островского, но сильный активный характер, высокий нравственный потенциал были для него неизменным мерилом ценности человека.

Поэтому своим, близким по духу и складу считали Островского его современники — революционные демократы, а сам писатель, пройдя в начале 50-х годов через короткий, но критический период колебаний и иллюзий, в дальнейшем был их постоянным спутником. Не случайно его обычная сдержанность провалилась таким искренним всплеском чувств в обращении к больному Н. А. Некрасову: «Как Вам умирать? С кем же мне тогда идти в литературу? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды...».

Открытое, освобожденное от всяких покровов лирическое начало выразилось в «Снегурочке». Каким восторгом перед тонкой красотой родной природы, каким светлым ликующим настроением пронизана эта «Весенняя сказка»! Она выражает мечту о человеческих отношениях, не омраченных горем, враждой, предательством.

Великий драматург был тесно связан с нашим краем — Кинешмой, Заволжьем,

где подолгу жил в своей костромской усадьбе Щельково (ныне — музей-заповедник имени писателя). Можно было бы привести немало фактических данных по этому поводу. Но не менее важно другое: Островский был душевно привязан к этим местам, его на всю жизнь пленила могучая Волга, на берегах которой разворачиваются события многих его пьес. Теплым, дружеским было его отношение к простым людям, крестьянам. «Привезжали знакомые и друзья. А бывали и такие, которые пешком из Кинешмы приходили — на лошадей денег не имели. И всех-то Александр Николаевич встречал с радостью, а которым и помогал», — вспоминала знавшая его деревенская женщина А. Н. Смирнова. Крестьянский мальчик Кожанкин услышал на похоронах Островского от своего деда знаменательные слова: «Вот, Вася, помни, как мужик своего заступника в последний путь проводил».

Не странно ли, что человек больших и сильных чувств писал драматические произведения, в которых, как может показаться на первый взгляд, мало остроты и страсти? Да, Островский вдумчивый и объективный в лучшем смысле слова художник-реалист. Он не спешит выдать читателю готовую, лежащую на поверхности идею. В его «пьесах жизни» действие разворачивается, захватывая массу разнообразного материала, освещая бытие с такой доскональностью, что читатель и зритель как бы сами входят в его плотную атмосферу. Он никогда не прибегает к идеализации, и характеры его героев нельзя уложить в простейшие формулы. Но за внешней, мнимой медлительностью — всегда внутренняя динамика.

«История оставила названия великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа: такие произведения со временем делают понятными и ценными и для других народов и, наконец, для всего света». Эти слова А. Н. Островского великолепно определяют смысл и значение его собственной деятельности. Драматургия его, сильная по мысли, бесконечно широкая по охвату жизненных явлений, создана человеком доброго и щедрого сердца, умевшего ненавидеть, сострадать, любить.

Н. ТАРШИШ.

„...ДЕЛО ВАЖНОЕ, ПАТРИСТИЧЕСКОЕ“

где воплощены в таких пьесах, как «Вешенные деньги», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Бесприданница», «Лес».

Не только не скрывая своей издевки, но, напротив, рядом художественных приемов резко подчеркивая ее, драматург в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» характеризовал мнимую «борьбу мнений» между консерваторами и либералами.

Неприятие и осуждение законов «темного царства», сила критики Островского столь очевидны, что уже одно это могло бы обеспечить ему почетное место в ряду русских и мировых драматургов. Но он не остановился на этой черте. С повышенной, обостренной чувствительностью улавливал писатель признаки больших перемен, зреющих в стране, все более заметное стремление к свободе.

Глубоко личным, включающим активную любовь, уважение, сочувствие, было отношение драматурга к его положительным героям. «Простите мне: я так люблю Татьяну милую мою!», — откровенно признавался читателю Пушкин в «Евгении Онегине». У драматического писателя нет возможности так прямо высказать свои чувства: говорят сами действующие лица, в сложном перекрестном соотношении взаимных оценок, в ситуациях и действиях складывается конечное представление о каждом из них. Но вот одно характерное признание Островского в период работы над «Последней жертвой»: «Пишу пьесу, собираю последние силы, чтобы ее кончить. Трогательный, драматический сюжет пьесы, в который я погружаюсь всей душой, еще более расстраивает меня». Автора трогает и печалит судьба прекрасной женщины Юлии Тугиной, которую жизнь беспощадно затягивает в свой грязный водоворот.

Их было много — любимых Островским героинь, от первого «светлого луча» Катерины из «Грозы» до Параша из «Горячего сердца», что за волю пойдешь «на нож», «бесприданница» Ларисы, полной высокого душевного благородства Кручинной. Среди героев мужчин — простодушный и честный Митя («Бедность не порок»), чуть смешной, но бесконечно чуткий и чужому страданию Гаврила, воспитавший в себе сознание человеческого достоинства Ипполит («Не все коту мас-

С ЛЮБОВЬЮ К ВЕЛИКОМУ ДРАМАТУРГУ

Едва вы переступите порог квартиры ивановца Александра Ивановича Панова, тут же попадете в мир красок. Словно живые факелы, горят на картинах маки. Яркие краски, радостные тона... А вот слегка поосиравшаяся часовенка, чья-то могила, ворота. И лес — густой и прекрасный — настоящее берендеево царство. Да, это Щельково, Добрая половина картин посвящена ему. Тут и портрет внучки А. Н. Островского Марии Михайловны Шателен.

Как только хозяин заметит, что вы с интересом рассматриваете картины, он тут же усадит вас в кресло, возьмет в руки указку и начнет знакомить с историей создания картин, со своей необычной техникой. А техника у него, и впрямь оригинальная: все картины выполнены шариковой ручкой или растворимым карандашом.

Занятия живописью давно уже переросли рамки обычного увлечения, стали второй его профессией, а после того, как он ушел на заслуженный отдых, пожалуй, и основной. Несколько произведений А. И. Панова хранятся в Московском

музее А. Н. Островского. Свои новые работы он собирает передатчик в Московском музее, и Щельковскому. Среди них оригинальная «Клюка». На ее ручке выжжены слова: «Дом Островского», а на палке сверху вниз — портреты великого драматурга, артистов, которые приезжали в Щельково. Вот строки из письма М. М. Шателен: «Палка получилась замечательная. Музейю же такую!» Другая внучка великого драматурга Марианна Александровна Островская тоже хотела бы получить эту палку для Московского музея. «Уважаемый Александр Иванович! — пишет она. — За фото «Клюки» как Вы ее называете, благодарю. Не сомневаюсь, что она может украсить экспозицию любого музея».

Живописью Иван Александрович занимается столько, сколько помнит себя. В юности дорожка его привела в мастерские Хотулева, а спустя год он уже учился во ВТУХОМАСе у известного живописца Абрама Архипова. Но не суждено ему было стать художником. Другая страсть завладела им — он

выбрал профессию архитектора.

Мир увлечений Панова многогранен. Он — и поэт, и фотограф, и страстный книголюб. Но чем бы ни занимался Александр Иванович, его мысли, душа его принадлежат Щелькову. Среди его поэтических творений есть стихи «На могиле Островского». Не было такого лета за последние годы, чтобы он не навещал в край драматурга. Приезжал в Щельково вместе со своей женой Верой Евгеньевной. Здесь познакомился с внуками Островского. И завязалась переписка. Я видел его богатейшую коллекцию диапозитивов (принимал снимал их он сам). Не ошибусь, если скажу, что нет такого уголка в Щелькове, который не был бы запечатлен на цветной пленке.

Как-то вечером я зашел к Александру Ивановичу Панову домой. Он повесил экран на стене, включил проекционный фонарь и начал с упоением рассказывать о «миллом сердцу» Щелькове. Рассказывал с большой любовью к великому драматургу.

Е. ДМИТРИЕВ.

* * *

На снимке: «Клюка» «Дом Островского» работы А. И. Панова.

чески вошли в литературное творчество великого драматурга. Это один из немногих в стране театров, на сцене которого сыграны почти все его пьесы.

У актеров волжского города сложилась хорошая традиция: каждый новый сезон открывается спектаклем по пьесе А. Н. Островского. И это не только дань уважения, это и необходимость. Пьесы Островского и сегодня современны, понятны зрителю. Об этом свидетельствует всегда переполненный зал в дни

И все же главная наша любовь — А. Н. Островский. Нынешний сезон мы начинали его пьесой «Невольницы». Затем состоялся фестиваль спектаклей, посвященный юбилею драматурга. Были показаны «Не в оляницы», «Пучина», «Светит да не греет». Завершил сезон опять же пьесой Островского «Блажь».

Е. ЕГОРОВ, главный режиссер Кинешменского драматического театра им. Островского.

НА КЛУБНОЙ СЦЕНЕ

Бытовую комедию А. Н. Островского «Не все коту масленица» поставил театральный коллектив Савинского районного Дома культуры. Постановку спектакля осуществил студент Ленинградского института культуры, житель Савина А. Бутон.

Особенно удалось роли купца Ахова (заместитель редактора районной газеты «Знамя» А. М. Голубев) и купчихи Крутой (зубной врач Н. С. Никитина).

Б. РЕБРОВ.

Самодельные артисты Помогаловского сельского клуба Палехского района поставили пьесу «Правда хорошо, а счастье лучше». Это не первое произведение великого драматурга, поставленное на сцене сельского очага культуры.

Мы уже показывали нашим зрителям, — говорит заведующий клубом М. Н. Ромашова, — «Бесприданницу», «Грозу», «Не в свои сани не садись». Последняя наша работа — это дань любви к Островскому, к его бессмертным произведениям.

Е. ЗИМИН.

Около сорока лет плодотворно работает в клубе Дмитриевского лесохимического завода драматический кружок. Особое место в его репертуаре занимают произведения А. Н. Островского. Недавно любители сцены показали своим землякам пьесу «Не было ни гроша, да вдруг алтын», а к юбилею драматурга подготовили еще одну работу — пьесу «Не все коту масленица».

В главных ролях заняты элктросварщик Иван Урилов, рабочий котельной А. Б. Попов, бухгалтер Т. Н. Удалова и другие. М. АЛЕКСАНДРОВ.

Читатели «Рабочего края», вероятно, помнят интересные этюды тургеневских мест, написанные самодельными ивановскими художниками С. Кашиным и опубликованные в газете. Он — участник почти всех выставок самодельных художников. Его «конек» — пейзаж средней полосы России. Хорошо знает и тонко чувствует природу. С. Кашинов умело передает в своих полотнах ее аромат.

Сегодня мы помогаем репродукции других этюдов художника, сделанных в усадьбе музея А. Н. Островского в Щелькове. На верхней запечатлен дом драматурга, на нижней — река Мера в окрестностях Щелькова.

Художник сумел хорошо передать красоту и обаяние щельковских пейзажей, среди которых А. Н. Островский провел многие годы своей жизни — до самых последних дней.

ОСТРОВСКИЙ И КУСТОДИЕВ

Заволжские дали, открывающиеся с кинешменского бульвара, и сейчас оставляют впечатление лесной глухомани. Нетрудно представить, что же было в этом краю в те давние годы, когда здесь каждое лето жил в усадьбе «Щельково» А. Н. Островский.

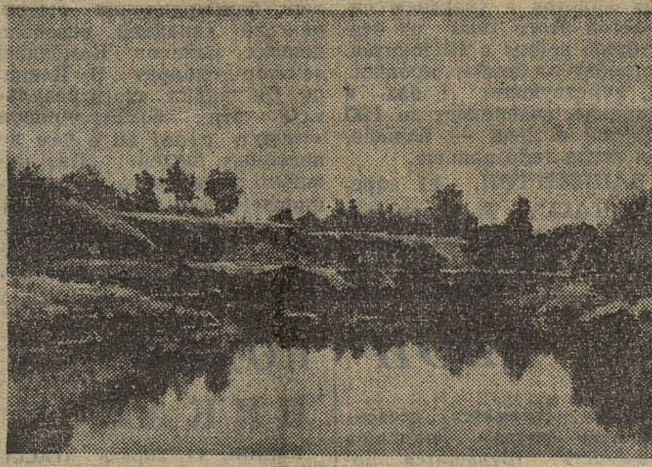
В его творчестве в том или ином преломлении, отразился этот край. В пьесах «Волки и овцы», «Лес» и некоторых других показан процесс перехода старинных «дворянских гнезд» в руки буржуазных «дельцов» новой формации. Драматург, в частности, наблюдал, как один из владельцев с. Угольное (Патракиев) продал его ивановским текстильным фабрикантам. Бытовым, возмущающим позднее на другом берегу дачу-дворец около Костромы. В тех же «Волках и овцах» прототипом Мурзавецкой послужила старшая дочь помещицы Молчановой, местной «Салтычихи». В «Горячем сердце», в лице мешанина Аристарха, описан один из приятелей драматурга Верхотинский. Поэтическая «Снегурочка» — дитя здешней природы: неподалеку от Щелькова находится «Ярмилка долина» и Берендеев лес».

Островский по-прежнему был привязан к родной природе. В 1876 году он писал художнику Микешину: «Жалко, что ты не пейзажист, а то побывал бы у меня в деревне: подобного русского пейзажа едва ли где найдешь...»

Через четверть века в тех же приблизительно местах в течение пятнадцати лет работал несравненный пейзажист — Б. М. Кустодиев, тоже обессмертивший на своих картинах лесное Заволжье, связанное с памятью Островского.

В заволжские леса художник попал случайно — приехал в сентябре 1900 года в село Семеновское-Лапотное, возвращаясь из поездки в Астрахань. Он настолько был пленен красотой здешней природы, что стал ездить сюда почти ежедневно. Кроме того, он в первый же приезд встретил в одной из усадеб (Высоково) принадлежавшей сестрам Грек, летящую кинешменскую живописца, черпавшего вдохновение из того же нескончаемого источника — из глубин живой, реальной жизни в родной русской природе.

Н. СМЕРНОВ.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

...Кинешменский драматический театр был открыт в 1898 году, а первый спектакль, поставленный на его сцене, — пьеса А. Н. Островского «Бедность не порок»?

...областной театр драмы открылся в 1933 году пьесой великого драматурга «На всякого мудреца довольно простоты»?

...за всю свою историю коллектив областного театра драмы дал свыше двух тысяч спектаклей по пьесам А. Н. Островского?

...кроме профессиональных театров в нашей области работает шесть сельских народных театров, и каждый из них постоянно обращается к произведениям классика сцены?

...народные театры области за последние десять лет показали около 140 спектаклей по произведениям великого драматурга?

...в нашей области создано свыше пятидесяти сельских самодеятельных драмколлективов, и в репертуаре многих из них — произведения великого классика?